

сказать, что я «ничего не смогу» — верхом интимной близости стало для меня той ночью младенческое прикосновение к большой круглой груди (ну, Фрейд или нефрейд — все равно как обозвать это беспределенное по интенсивности, не нуждающееся ни в словах, ни в понятиях слепоглухонемое ощущение), и Тильда своим полным покоем и неподвижностью подтверждала нашу наступившую слитность.

Что-то не то я сказал? Ты же сама просила всей правды. А, кажется, понял: в разговоре с женщиной не стоит касаться частей тела, принадлежащих другой женщине. Но ты совершенно не права: большая, средняя, малая — это признак не смысловозначительный, компликов до этому поводу не испытывал. Возвышенная часть женского рельефа оценивается не по размеру, а исключительно на вкус. Там есть точки, где сосредоточено женское электричество, и, если найти одну из этих точек кончиком языка, то происходит контакт — в детстве мы так проверяли различные карбоксилитные батарейки, замыкая языком два металлических штырька и улавливая животворную кислотку...

Мучительно-трудным было утреннее преодоление слитности, возвращение — нет, даже не возвращение к жизни, а появление на свет, поскольку слишком светло было моей смущенной и сумрачной душе в свободном и откровенном пространстве Тильдиного дома. Но еще страшнее была мысль о том, что придется уходить: допит кофе из крошечных баварских чашек, Тильде, по-видимому, пора на службу — не возьмет же она меня с собой как малолетнего сыночка, которого не с кем оставить! Требовался выход — и нашла его, конечно, она, а не я: «Может быть, нам стоит пожениться?»

Спрошено было в нейтральном тоне, спасательный круг был мне брошен. «Да, да, конечно», — вцепился я в неведомую мне возможность, способ находиться рядом с ней. О налагеемых согласиях обязанности я даже и не думал в ту минуту — меня привлекла, притянула предстоящая родственность между нами. До чего же хорош язык наш, в котором есть чудное слово «пожениться», объединяющее глаголы «жениться» и «выйти замуж» во взаимно-двустороннее действие и притом под женским знаком!

Да-а, вот так она тогда меня взяла — и родила.

III

Понемногу я учился ходить, говорить. Стиль Тильдиной жизни был прост, но нелегко для подражания. Какой это Сервантес сказал, что ничто не дается нам так дешево, как вежливость? Надеюсь, что не Саведра, который все-таки был довольно наблюдателем в мелочах и ответственный в обобщениях. Мой скромный опыт пока свидетельствует, что простая учтивость — самая труднодостижимая вещь на свете. Мне доводилось встречаться у себя на родине с людьми блестящими, великодушными, глубокими, добрыми, интересными, красивыми, легкими, милыми, незаурядными, обаятельными, остроумными, полезными, приятными во всех отношениях, самоотверженными, талантливыми, умными, хорошими, в двух-трех случаях даже с подозрением на гениальность, но безусловно учтивого человека я встретил в жизни ровно однажды — в лице Тильды.

Даже не знаю, как описать ее поведение, поскольку учтивость складывается главным образом из минус-